

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

Лѣтъ десять тому назадъ, у меня зародилась мысль разсказать подробно о жизни моей матери княгини Екатерины Николаевны Голицыной и моей двоюродной бабушки Татьяны Борисовны Потемкиной.—Тогда я начала припоминать все, что знала о нихъ и рѣшилась писать воспоминанія о дорогомъ для меня прошломъ.

Въ моемъ разсказѣ не малую долю займетъ память о моемъ отцѣ, который былъ извѣстенъ не только въ Россіи, но и за границей своимъ перомъ и музыкальнымъ талантомъ.

О тѣхъ же людяхъ, которые доброй памяти не стоятъ, я буду говорить вскользь или совсѣмъ умолчу. Можетъ быть это будетъ большой пробѣлъ въ моихъ воспоминаніяхъ, можетъ быть это будетъ «картина, нарисованная бѣлыми красками на свѣтломъ фонѣ», но такъ какъ я предпочла бы поднять жемчужину съ чистаго пола, а не искать ее въ грязи и сорѣ—такъ и въ настоящій моментъ мнѣ пріятнѣе будить въ памяти образы хорошихъ людей... Это не мѣшаетъ мнѣ быть правдивой, не идеализировать близкихъ моему сердцу и не отступать отъ истины.

Уяснивъ цѣль моихъ воспоминаній, я прошу читателей не удивляться, если характеръ ихъ покажется слишкомъ интимнымъ; но я писала ихъ для дѣтей, не думая отдавать въ печать. Когда же я читала ихъ моей матери, отъ которой узнавала многіе подробности и факты описываемаго времени, она говорила мнѣ: «послѣ моей смерти ты можешь напечатать свои воспоминанія—ими ты опровергнешь много лжи, которую распускали въ обществѣ о твоемъ отцѣ, въ чемъ онъ самъ часто

бывалъ виноватъ, выдумывая на себя разныя небылицы для потѣхи публики». Одобреніе матери, конечно, мнѣ было дорого, возстановить правду о моемъ отцѣ я считала своимъ долгомъ, и зародившаяся мысль, что не однимъ моимъ дѣтямъ интересно будетъ познакомиться съ лицами и событіями моего времени, побудили меня предложить эти записки вниманію читателей.

I.

Прабабушка М. Д. Дунина.—Флигель-адъютантъ Бенкендорфъ и его женитьба.—Генералъ Курисъ, зять М. Д. Дуниной.—Моя мать.—Мой отецъ князь Юрій Николаевичъ Голицынъ.

Мать моя родилась и выросла въ селѣ Водолагахъ [1]) Харьковской губерніи. Родители ея были люди очень богатые и жили патріархально въ многочисленной семьѣ.

Бабушка моей матери, генеральша Марія Дмитріевна Дунина, рожденная Норова, была очень выдающейся женщиной по уму, образованію, характеру и добротѣ. Она была фрейлиной при дворѣ императрицы Екатерины Великой. Отецъ ея харьковскій губернаторъ извѣстенъ былъ въ своемъ округѣ глубокою набожностью и честностью; эти душевныя качества онъ передалъ своей дочери Маріи Дмитріевнѣ. Мужъ ея Иванъ Петровичъ Дунинъ былъ генералъ-аншефъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ войнахъ и былъ не разъ раненъ. Во время Очаковской осады и сраженія при Прагѣ жена его была съ нимъ, и генералы называли ее своею матерью. Румянцевъ, Суворовъ, Потемкинъ цѣнили ее какъ достойную женщину и уважали какъ умную, честную жену ихъ друга генерала Дунина; всѣ любили въ ней также добрую, благодѣтельную христіанку, какою она была всегда для своихъ крѣпостныхъ людей. Во вдовствѣ она прожила 46 лѣтъ. У нея было 6 дочерей и одинъ сынъ, который во время Отечественной войны былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи.

На Бородинскомъ полѣ онъ былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ арміею, и, несмотря на такое лестное назначеніе, молодой Дунинъ не принялъ его.

— Полкъ мой идетъ въ сраженіе, и я, сынъ израненнаго генерала, долженъ быть съ полкомъ. Я адъютантъ—послѣ сѣчи.

Воля Божія была взять его: онъ былъ убитъ.

---

[1]) Село Водолаги было родовое имѣніе Дуниныхъ.

Мать его приняла эту скорбь какъ истинная христіанка и покорилась волѣ Божьей безъ ропота. Тогда всей душой привязалась она къ своимъ дочерямъ [1]) и, выдавая ихъ замужъ, она не дѣлила состояніе, а всѣхъ дочерей держала при себѣ, пристроивая для того къ своему дому помѣщенія. — Она неусыпно заботилась объ ихъ благосостояніи, помогая своимъ зятьямъ и словомъ и дѣломъ.—Дочери дарили ей каждый годъ то внучатъ, то внучекъ. Внучатъ у Дуниной было 24, а правнуковъ 76. Ей было за 80 лѣтъ, когда она скончалась.

Моя мать была пятая дочь Софіи Ивановны и Николая Дмитріевича Бахметевыхъ, у которыхъ было восемь человѣкъ дѣтей. Дѣдушка мой Николай Дмитріевичъ былъ добрый, заботливый и любящій отецъ; онъ своими трудами нажилъ дѣтямъ очень хорошее состояніе, былъ прекраснымъ хозяиномъ и примѣрнымъ помѣщикомъ для своихъ крестьянъ.

Итакъ всѣ шесть сестеръ Дуниныхъ со своими дѣтьми и даже внучатами жили и воспитывались въ селѣ Водолагахъ у прабабушки Дуниной. Но кромѣ ея дѣтей у нея въ домѣ жили еще и племянницы. Одна изъ нихъ молодая вдова Бибикова, рожденная Донецъ-Захаржевская, дочь ея сестры, была любима ею какъ родная дочь. Мужъ ея былъ убитъ на войнѣ во время (кажется также) Бородинскаго сраженія. Уѣзжая изъ Водолагъ и оставляя тамъ жену свою онъ въ альбомъ прабабушкѣ Дуниной написалъ слѣдующее стихотвореніе, какъ бы предчувствуя свою смерть:

Въ бой иду не унывая,
Любовь жены и Богъ со мной,
Спасу ее, Отечество спасая
И тѣмъ украшу жребій свой.

* * *

При знамѣ, если придется умирать,
Стоять я буду не робѣя
И духъ послѣдній испуская,
Образъ Лизы обнимать.

Павелъ Бибиковъ.

Vodolagy, 1809, 1 avril.

Прабабушка Дунина была въ перепискѣ съ вдовствующей въ то время императрицей Маріей Ѳеодоровной, и вотъ по какому поводу она однажды написала ей: въ Харьковъ пріѣхалъ элегантный флигель-адъютантъ Бенкендорфъ, а такъ какъ вся молодежь стекалась у прабабушки, то и онъ не замедлилъ представиться ей. Красивая молодая вдова Бибикова приглянулась ему — онъ сталъ за ней ухаживать. Прабабушка сначала смотрѣла одобрительно на это ухаживанье думая, что

[1]) Дочери прабабушки Дуниной были: графиня Елена Сиверсъ, Софія Бахметева, генеральша Курисъ, Евдокія Черепанова, баронесса Варвара Пилларъ и Марія Гревсъ.

*

оно кончится предложеніемъ и партія эта для любимой племянницы ей улыбалась, но увидѣвъ, что молодой человѣкъ ухаживаетъ для препровожденія времени, а молодая вдова заинтересовалась имъ — прабабушка стала тревожиться. Не долго думая она написала императрицѣ письмо, спрашивая о личности Бенкендорфа и достоинъ ли онъ, чтобы вручить ему судьбу своей любимой племянницы. Государыня съ лестнымъ отзывомъ о Бенкендорфѣ прислала образъ, которымъ прабабушка, неожиданно для молодаго ухаживателя, благословила его и племянницу свою отъ имени государыни.

Къ счастью, устроивъ ловко и умно, но сюрпризомъ, судьбу молодыхъ людей, впослѣдствіи ни ей, ни имъ не пришлось раскаиваться, такъ какъ супруги были счастливы.

Домъ Маріи Дмитріевны Дуниной былъ въ такомъ почетѣ, что всякій считалъ за счастіе бывать у ней, а тѣмъ болѣе породниться съ нею. Доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующій фактъ: одна изъ шести дочерей ея, а именно третья, была хотя и красива, но имѣла горбъ сзади и спереди. Прабабушка держалась правила выдавать дочерей въ замужество по старшинству. Настала очередь горбатой ея дочери: пріѣзжаетъ вдовецъ генералъ Курисъ сватать одну изъ ея дочерей, но не о той думалъ онъ, которая стояла на очереди...

У сестеръ Дуниныхъ было общее черное бархатное платье, отдѣланное гирляндами изъ розъ и въ которомъ онѣ представлялись являющимся женихамъ. И вотъ нарядили бѣдную горбатенькую въ это платье, вывели къ старому генералу, и прабабушка, подводя ее къ нему, сказала: «Вотъ тебѣ невѣста». Онъ смутился и скромно сказалъ, что «не эта ему нравится, а другая... Авдотья Ивановна»...

Прабабушка, ни сколько не смутившись, отвѣтила ему серьезно:

— Нѣтъ, старина, для тебя и эта хороша, а та и получше тебя найдетъ! Если хочешь быть моимъ зятемъ, то бери и эту.

Генералъ женился; былъ счастливъ, и жена была прекрасной мачихой для его дѣтей.

Въ домѣ М. Д. Дуниной всегда царилъ порядокъ, миръ, тишина и любовь. Конечно, такая громадная семья держалась и управлялась ея твердой рукой и добрымъ сердцемъ.

Когда императоръ Александръ I посѣтилъ однажды прабабушку Дунину и увидавъ за обѣдомъ всю ея большую семью въ сборѣ, выразилъ удивленіе какъ можетъ она заботиться о такомъ количествѣ дѣтей,— прабабушка отвѣчала государю:

— Aux petits des oiseaux Dieu donne leur pâture. [1])

Въ сочиненіяхъ архіепископа Филарета Харьковскаго есть пре-

[1]) Богъ кормитъ птичекъ и ихъ птенчиковъ.

красное слово, сказанное имъ при погребеніи прабабушки. Онъ такъ живо, такъ сердечно говоритъ объ этой необыкновенной женщинѣ, ставя ее въ примѣръ женамъ и матерямъ. Этимъ словомъ онъ почтилъ память прабабушки, утѣшилъ дѣтей и внучатъ ея и не могъ не возбудить во многихъ желаніе походить на ту, которую эта большая семья любила, уважала и съ ея кончиной чувствовала себя болѣе чѣмъ осиротѣвшей. Съ кончиной ея Водолаги раздѣлили, и они опустѣли...

Веселья тамъ было не мало, садилось за столъ не менѣе сорока человѣкъ. Маленькіе внучата всѣ жили круглый годъ у своей бабушки, съ кормилицами, няньками и гувернантками въ селѣ Водолагахъ, находившемся въ 50-ти верстахъ отъ Харькова; а тѣ внучата, которые подростали, и взрослые ѣздили на зиму въ Харьковъ съ родителями, гдѣ также былъ большой общій домъ. Нѣкоторыхъ отвозили туда, чтобы кончать образованіе, а другихъ веселиться и выѣзжать.

Дѣвицы Бахметевы были всѣ очень красивы, но лучше всѣхъ говорятъ были тетя моя, Елена Николаевна Бердяева, и моя мать. Мама̀ была не большаго роста, миніатюрнаго сложенія, съ темнорусой головкой, правильными чертами лица, очень темными бровями, большими задумчивыми сѣрыми глазами и прелестными зубками.

Несмотря на свою красоту она считала себя очень некрасивой, что еще болѣе придавало ей прелести, такъ какъ она олицетворяла собою скромность.

Такое мнѣніе пріобрѣла она о себѣ вслѣдствіе того, что въ семьѣ у нихъ были любимицы и любимцы; а такъ какъ она была изъ числа не любимыхъ «сандриліонокъ», то въ ней находили все некрасиво. Разъ даже одна изъ тетушекъ ея, не допуская натуральный темный цвѣтъ ея бровей, подозвала къ себѣ и строго сказала: «что это ты, матушка, никакъ нафабрила себѣ брови?» и попросту, безъ затѣй, послюнявивъ носовой платокъ, стала тереть ихъ...

У бабушки же Софіи Ивановны были фаворитки: старшая дочь Надежда и предпослѣдняя — Софія. Между моей матерью и Софіей Николаевной былъ одинъ годъ разницы въ лѣтахъ, такъ что онѣ вмѣстѣ учились и вмѣстѣ выѣзжали.

Несмотря на предпочтеніе и баловство, которымъ окружали тетю Софію Николаевну, это не испортило добрыхъ и дружескихъ отношеній сестеръ. Это доказываетъ, на сколько онѣ были обѣ хорошія и добрыя: одна не пользовалась своими правами баловницы, а другая не завидовала, и предпочтеніе, отдаваемое сестрѣ, принимала какъ вещь естественную и не называла это несправедливостью. Да, въ то счастливое и разумное во многихъ отношеніяхъ время—имя отца и матери было священно! тогда дѣти не только не смѣли обвинять поступки родителей, но помыслить даже о разборѣ ихъ дѣйствій никто не смѣлъ.

И такъ, мать моя, привыкшая получать все хуже всѣхъ и послѣ всѣхъ, такъ сроднилась съ той мыслью, что она должна думать обо всѣхъ, а о ней могутъ и забыть, что даже въ мелочахъ обыденной жизни, какъ напримѣръ: когда молодежь ходила собирать ягоды, она лучшую никогда не съѣдала, а всегда несла ее кому нибудь изъ любимыхъ своихъ родственниковъ. Эгоизма въ ней не было ни капли—она всегда забывала себя для другихъ.

Любимый цвѣтокъ ея былъ фіалка, и она своею скромностью олицетворяла этотъ прелестный цвѣтокъ, прячущійся за свои листочки; девизъ ея былъ: «pour être heureux vivons cachés» [1]).

Вставала она съ восходомъ солнца для того, чтобы готовить заданные ей уроки, и отправлялась въ садъ, гдѣ усердно занималась ими; прислуга, любившая ее за доброту и кротость, дала ей названье: «наша милая ранняя птичка». Если кому нибудь изъ прислуги нужно было рано встать для какого либо экстреннаго дѣла, или дѣтямъ для приготовленія уроковъ, то всегда поручали будить ихъ «ранней птичкѣ», такъ какъ она никогда не просыпала часъ, который былъ нуженъ.

Учителя и гувернантки у внучатъ прабабушки Дуниной были иностранцы, и преобладающій языкъ въ семьѣ былъ французскій, такъ что когда дѣти говорили по-русски, гувернантки въ наказанье привязывали имъ на грудь красные языки. Уроки же русскаго языка были въ полномъ забвеніи, и мать моя во все время своего ученья взяла только семь уроковъ роднаго языка и то у священника малоросса, который вмѣсто пять говорилъ «піять» и вмѣсто пятницы говорилъ «піятница» и, вѣроятно, такъ-же писалъ. Она любила заниматься рукодѣліемъ и усердно работала не только для себя, но съ удовольствіемъ помогала другимъ и часто доканчивала начатыя и брошенныя работы своихъ сестеръ — баловницъ.

Гувернантки иностранки строго слѣдили за нравственностью, скромностью, хорошими манерами и разговоромъ своихъ воспитанницъ, но иногда отъ слишкомъ большаго усердія онѣ не отличали хорошихъ чувствъ отъ дурныхъ.

Вотъ случай, характеризующій то время, въ которое скромность и стыдливость оберегались въ дѣтяхъ въ ущербъ даже естественнымъ хорошимъ побужденіямъ ребенка.

У одной изъ старшихъ кузинъ матери, М. К. Мухановой, рожденной графини Сиверсъ, родился сынъ, и когда дѣтей допустили посмотрѣть новорожденнаго, они съ любопытствомъ бросились въ дѣтскую на графскую половину (такъ называлась одна часть дома, занимаемая графиней Сиверсъ и ея семьей). Между дѣтьми была и моя мать; она съ

---

[1]) Для того, чтобы быть счастливымъ нужно прятаться отъ свѣта.

интересомъ взглянула на красиваго черноглазаго мальчика, лежавшаго на рукахъ некрасивой кормилицы, и воскликнула:

— Ахъ! если бы у меня былъ такой прелестный ребенокъ — я ни за что не отдала бы кормить его чужой бабѣ.

— А что бы ты сдѣлала?—спросили другія дѣти.

— Я бы сама его кормила,—отвѣтила она.

Гувернантка вскрикнула отъ удивленія, услыхавъ изъ устъ десятилѣтней дѣвочки подобныя, по ея мнѣнію, нескромныя желанія, строго посмотрѣла на нее, поспѣшно вывела виновницу ея ужаса и всѣхъ дѣтей изъ дѣтской и черезъ нѣсколько минутъ наказала ее слѣдующимъ образомъ: нарядила бѣдную дѣвочку въ сарафанъ кормилицы, повязала ее платкомъ, подвязала подушку для того, чтобы придать болѣе сходства съ кормилицей, и, посадивъ въ позу кормящей ребенка, дала въ руки куклу, приглашая всѣхъ смотрѣть на наказанную и всю въ слезахъ свою воспитанницу. Это было настоящее горе для стыдливой, застѣнчивой дѣвочки, надъ которой такъ жестоко и несправедливо посмѣялись!

Мать моя разсказывала мнѣ, что она такъ мучилась, думая, что на самомъ дѣлѣ сдѣлала какое-то ужасное преступленіе, такъ ей было стыдно изображать кормилицу и такъ боялась она, что приведутъ и бабушку Дунину посмотрѣть на нее. Но къ сожалѣнію, бабушку-то и не привели, и она не узнала объ этомъ, а то, вѣроятно, она не похвалила бы за подобное глупое, неумѣстное наказаніе блюстительницу нравственности.

Такъ какъ прабабушка Марія Дмитріевна была очень богомольна, то она пріучала всю свою семью молиться Богу. Мать моя была восторженная, увлекающаяся, и всей молодой душой своей полюбила Бога и такъ усердно молилась, что не пропускала ни одной службы; по этому поводу одна старушка, Марія Алексѣевна, видя въ ней такое духовное возбужденіе и боясь, что оно остынетъ, говорила ей: «Другъ мой, Катя! твои молитвы хороши и угодны Богу, но не пересаливай—хорошо идти вверхъ по лѣсенкѣ, а не спускаться внизъ......» Простые и разумные эти слова мать нерѣдко впослѣдствіи вспоминала, когда ей казалось, что она не такъ усердно молится и не такъ любитъ Бога, какъ бы должна была Его любить и какъ любила прежде въ молодые годы.

Водолажская молодежь часто ходила пѣшкомъ на богомолье, и самая ретивая на подобныя экскурсіи была моя мать. Не рѣдко она бывала въ Кіевѣ у сестры своей Елены Николаевны Бердяевой, о которой я впослѣдствіи буду говорить—это также была дивной души женщина, прожившая жизнь свою какъ праведница. Въ Кіевѣ обѣ сестры часто посѣщали схимника отца Парѳенія, извѣстнаго своей святою жизнью.

Одно время мать возмечтала поступить въ монастырь и передала свое желаніе схимнику, прося благословить ее на этотъ путь, но онъ сказалъ: «Теперь не слѣдуетъ—иди тогда, когда сама Матерь Божія поведетъ тебя за руку».

Отецъ мой, князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, былъ богато одаренъ какъ душевными и умственными, такъ и физическими качествами. Онъ походилъ на русскаго богатыря, нигдѣ не проходилъ не замѣченнымъ, и даже въ толпѣ всегда обращалъ на себя общее вниманіе какъ своей красотой, ростомъ, такъ и благородной осанкой. Душа его была полна разнородныхъ чувствъ: добро и зло боролись въ немъ жестоко! Въ каждомъ человѣкѣ та же борьба, но она мелка и незамѣтна; въ его же мощной натурѣ всѣ чувства, всѣ порывы души выходили изъ обыденныхъ рамокъ, и вслѣдствіе этого жизнь его была переполнена приключеній, бросающихся въ глаза. Стихотвореніе графа Алексѣя Толстаго совершенно его олицетворяетъ:

„Коль любить—такъ безъ разсудка,
Коль грозить—такъ не на шутку,
Коль ругнуть—такъ сгоряча,
Коль рубить—такъ ужъ съ плеча,
Коли спорить—такъ ужъ смѣло,
Коль казнить—такъ ужъ за дѣло,
Коль простить—такъ всей душой,
Коли пиръ—такъ пирой горой...“

Отецъ мой рано потерялъ свою мать, а мой дѣдушка мало, или лучше сказать, совсѣмъ не заботился о своемъ сынѣ. Это сиротство, безалаберное воспитаніе, строгость и чрезмѣрное, иногда, баловство повліяли на пылкую натуру мальчика: у него выработался своевольный, необузданный, страшно вспыльчивый характеръ, но доброе сердце, прямота и великодушіе всегда привлекали къ нему и заставляли его любить и уважать.

Онъ часто страдалъ своими недостатками и постоянно бывалъ ихъ жертвой. Отца можно было сравнить съ молодымъ, горячимъ конемъ, какъ тотъ мчится къ пропасти, не сознавая ни опасности, ни гибели своей и своего сѣдока. Такъ и отецъ мой, вслѣдствіе своего пылкаго нрава, во дни ранней молодости, разбилъ свою жизнь и увлекъ на путь несчастій близкихъ его сердцу....

Своею чрезмѣрной прямотой, иногда непрошенной, такъ какъ онъ не стѣснялся, говорилъ въ глаза голую правду, онъ пріобрѣталъ себѣ враговъ; не любили его и люди съ узкимъ умомъ, мелкой душой, неспособные понять такую прямую, честную натуру, и люди, завидующіе его превосходству и удачамъ. Но за то друзья его, а ихъ было не мало,

горячо любили и цѣнили сердечнаго, умнаго, честнаго, правдиваго «Юрку Голицына»—какъ его всѣ называли [1]).

Отецъ мой много дѣлалъ добра, и одна изъ симпатичныхъ чертъ его характера была та, что онъ не хвастался своими добрыми дѣлами; свои же недостатки и ошибки не скрывалъ и, сознавая ихъ, отдавалъ себя на судъ не только своихъ близкихъ, но и на судъ людской. Въ отрывкахъ изъ его воспоминаній, которыхъ онъ не кончилъ, ясно выказывается его прямая натура. Эти воспоминанія были напечатаны, не задолго до его смерти, въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ 1869 году, подъ заглавіемъ «Прошедшее и настоящее». Обращаясь къ читателю, онъ говоритъ: «Перомъ моимъ будетъ руководить чистосердечное *я*, которое буду стараться выставить рельефно, во всей наготѣ, безъ малѣйшихъ прикрасъ». Онъ не только не боялся злословія, но даже часто, чтобы дать пищу языкамъ, ради шутки, самъ разсказывалъ о себѣ самыя невозможныя небылицы, и эти сказки быстро узнавались всѣми съ большими добавленіямм и прикрасами. Отчасти это черта русскаго характера того времени. Почему путешественники-французы, какъ напримѣръ Кюстинъ, писали такъ много пошлостей о Россіи? А именно потому, что русскіе, потѣшаясь надъ французами, разсказывали имъ всякій вздоръ, а они выдавали его за правду.

Такъ и теперь еще слышимъ иногда небылицы и невѣроятные анекдоты о князѣ Юріи Николаевичѣ Голицынѣ. Я считаю, что не одно описаніе не можетъ такъ ясно и рельефно показать характеръ человѣка, какъ его письма, а потому я и помѣщу въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ немногія письма отца, которыя сохранились къ его друзьямъ и ко мнѣ. Въ нѣкоторыхъ письмахъ выливается вся его пылкая, чистая, благородная душа, всѣ страданія, все горе, пережитое имъ въ его короткую, но полную дѣятельности, энергіи и силы, жизнь. Онъ умеръ 49-ти лѣтъ, въ полномъ развитіи своего музыкальнаго таланта, въ Петербургѣ, 2-го сентября 1872 года. Послѣ его кончины, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», была напечатана вѣрная его характеристика и оцѣнка его таланта и музыкальной дѣятельности. Въ этой же статьѣ отецъ былъ названъ «послѣднимъ Могиканомъ» изъ своихъ современниковъ, послѣднимъ честнымъ русскимъ б о я р и н о м ъ-богатыремъ!

Теперь, давъ краткій очеркъ его характера, я возвращаюсь къ его ранней молодости и къ началу его службы и ухаживанью за моей матерью.

Въ то время князь Юрій Голицынъ служилъ чиновникомъ по осо-

---

[1]) Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ однажды выразился такъ: «даже самые недостатки у князя Юрія Николаевича Голицына болѣе симпатичны, чѣмъ достоинства у другихъ».

бымъ порученіямъ у харьковскаго генералъ-губернатора князя Николая Андреевича Долгорукова [1]). Онъ былъ тогда очень молодъ, 18-ти лѣтъ и славился своими шалостями.

Должность чиновника по особымъ порученіямъ не представляла много дѣлъ, а отецъ еще болѣе упростилъ ее; такъ что разъ князь Долгоруковъ безпокоясь, что онъ ничего не дѣлаетъ, замѣтилъ ему это, сказавъ: «Mais mon chèr Georges, occupez vous donc de quelques choses» [2]). На другой день послѣ такого замѣчанія, отецъ купилъ большой мѣшокъ орѣховъ, отправился въ комнату рядомъ съ кабинетомъ князя Долгорукова, сѣлъ на диванъ и началъ щелкать ихъ. Въ началѣ старикъ-князь все прислушивался къ равномѣрному звуку, раздававшемуся рядомъ съ его кабинетомъ, и зная, что тамъ отецъ, крикнулъ ему:

— Georges que faites vous donc là? [3]).

— Je m'occupe, mon prince [4]),—послѣдовалъ отвѣтъ.

Тогда старикъ, заинтересованный дѣломъ своего чиновника, всталъ посмотрѣть, и каково было его удивленіе, когда увидѣлъ шалуна, сидѣвшаго на диванѣ съ большимъ мѣшкомъ на колѣняхъ и съ орѣхомъ въ зубахъ.

Занимаясь больше бездѣльемъ, молодой князь много выѣзжалъ въ свѣтъ и, увидѣвъ скромную, тихую, красивую Екатерину Николаевну Бахметеву, влюбился въ нее и рѣшилъ, что она будетъ его женой.

Но препятствій для достиженія этой цѣли ему предстояло много—онъ это видѣлъ, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ горячѣе была его любовь, тѣмъ онъ крѣпче держался за свою мечту, тѣмъ настойчивѣе старался удалять препятствія. Несмотря на то, что онъ былъ завидная партія, какъ по состоянію, такъ и по фамиліи, но его молодость и репутація шалуна пугали благоразумныхъ родителей и невѣстъ. Помогъ ему его умъ, который не шелъ въ разрѣзъ съ его привлекательной наружностью. Планъ былъ задуманъ и исполненъ: онъ покорилъ сердца бабушекъ и тетушекъ, которыя оказались впослѣдствіи лучшими его адвокатами. Прежде всего онъ счелъ нужнымъ, конечно, покорить прабабушку Дунину и, чтобъ заинтересовать ее собою (она его не знала), въ одно прекрасное утро, въ воскресенье, зимой, отправился въ Водолаги, прямо къ обѣднѣ, и тамъ, молясь за исполненіе своей мечты, поклялся, что та, которую онъ полюбилъ, будетъ его женой!

Послѣ обѣдни онъ зашелъ къ управляющему, напился чаю и

---

[1]) Братъ дяди отца моего, князя Ильи Андреевича, женатаго на княжнѣ Салтыковой, родной его теткѣ.

[2]) Дорогой Юрій, займись же чѣмъ-нибудь!

[3]) Юрій, что же ты тамъ дѣлаешь?

[4]) Я занимаюсь, князь!

уѣхалъ. Этого было достаточно, чтобы поднять всѣ Водолаги на ноги, языкамъ дать пищу и сдѣлать изъ моего отца нѣчто въ родѣ сказочнаго героя, который, по разсказамъ всѣхъ, кто его видѣлъ, несомнѣнно долженъ былъ заинтересовать собой добрую и умную старушку прабабушку; ей захотѣлось узнать, зачѣмъ этотъ красавецъ-князь пріѣзжалъ въ Водолаги и почему онъ не представился ей?

Она потребовала объясненіе изъ Харькова, и ей отвѣтила дочь ея Бахметева, что князь Голицынъ одинъ изъ харьковскихъ жениховъ, ухаживающихъ за «Катей», но котораго слѣдуетъ опасаться, такъ какъ онъ славится своими проказами, и молодость его не даетъ ему права считаться женихомъ которой-нибудь изъ ея дочерей.

Прабабушка не осталась довольна объясненіемъ и нашла недостаточно вѣскими причины, корившія такого молодца, красавца-князя, о которомъ Водолаги не переставали вспоминать, и сама захотѣла его видѣть. Онъ былъ до такой степени привлекателенъ, что не могла старушка не пожелать для своей внучки такого жениха, который, при умѣ, любезности и красотѣ, обладалъ богатствомъ и талантами: онъ былъ музыкантъ и превосходно пѣлъ.

Ну, какъ тутъ не очаровать старушекъ! Отецъ мой ликовалъ; онъ зналъ теперь, что судьба его рѣшена. Ура! прабабушка за него! Мама тоже не долго смотрѣла пугливо: сердце заговорило, она полюбила, и хотя со страхомъ, но рѣшилась отдать свою судьбу въ молодыя руки... Вскорѣ они были объявлены женихомъ и невѣстой ....

II.

Предки отца моего: кн. М. М. Голицынъ, фельдмаршалъ князь Н. И. Салтыковъ.—Княгиня Н. Ю. Салтыкова.—Княгиня А. А. Голицына.—Князь Юрій Ал. Грузинскій.

Отецъ мой принадлежалъ, какъ по роду, такъ и по положенію, къ самымъ аристократическимъ и высокопоставленнымъ фамиліямъ Россіи. Его прадѣдъ былъ знаменитый князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ, который, на приказаніе Петра I снять осаду Шлюссельбурга и отступить, сказалъ посланному: «Передай государю, что я теперь принадлежу Богу и Россіи, а потомъ принесу царю повинную голову на плаху». Крѣпость была взята [1]). Прадѣдъ моего отца, по матери, былъ вос-

---

[1]) Соловьевъ, въ своей исторіи, говоритъ слѣдующее: „Князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ отличался самымъ привлекательнымъ характеромъ среди вельможъ Петровыхъ: онъ не жаловалъ иностранцевъ. Несмотря на то, даже иностранцы не могли говорить безъ восторга объ его умѣ, любезности

питателемъ императора Александра I, фельдмаршалъ князь Николай Ивановичъ Салтыковъ [1]).

Внучка фельдмаршала князя Салтыкова, княжна Елена Александровна Салтыкова, вышла замужъ за князя Николая Борисовича Голицына; у нихъ было нѣсколько дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ; остался въ живыхъ одинъ сынъ Юрій, который и былъ моимъ отцомъ. Одному изъ скончавшихся младенцевъ, сыну ихъ Александру, А. С. Пушкинъ, 18-го мая 1823 года, написалъ слѣдующую надгробную надпись:

„Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился
И радость райскую принесъ съ собою къ намъ,
Но житель горнихъ мѣстъ, ты міромъ не прельстился
И снова отлетѣлъ въ отчизну къ небесамъ".

храбрости и великодушіи. О немъ разсказываютъ, что послѣ сраженія подъ Лѣснымъ, Петръ, богато наградивши Голицына, спросилъ: какой милости еще онъ желаетъ? „Государь,—отвѣтилъ Голицынъ,—прости Репнина". Репнинъ былъ ему врагъ. Разсказываютъ о немъ также, что, будучи уже фельдмаршаломъ и отцомъ многочисленнаго семейства, онъ не смѣлъ садиться при старшемъ братѣ своемъ, князѣ Дмитріи, который былъ сенаторомъ".

[1]) Л. Каратыгинъ, въ историческомъ изслѣдованіи „Супружество императора Александра I", вотъ что пишетъ о князѣ Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ: „Воспитаніе Александра I было ввѣрено двумъ наставникамъ, отличавшимся противоположными характерами, убѣжденіями и понятіями—Николаю Ивановичу Салтыкову и знаменитому Лагарпу. Первый, человѣкъ добрѣйшей души, глубоко религіозный, былъ типомъ истаго русскаго „боярина" старыхъ временъ, ревностнаго охранителя самодержавія. Второй, швейцарецъ, республиканецъ до мозга костей, ученикъ философовъ XVIII вѣка, скептикъ и мизантропъ; облагороженный, но все-таки далеко не привлекательный типъ заѣзжаго гувернера-иностранца, съ предубѣжденіемъ относящагося ко всему русскому, кромѣ рублей и полуимперіаловъ; онъ съ корнемъ исторгалъ изъ сердца своего питомца все, что старался посѣять въ немъ Салтыковъ—разрушалъ все, что тотъ строилъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ своимъ воспитателямъ, великій князь былъ поставленъ въ двусмысленное положеніе, при той весьма естественной антипатіи, которую они питали другъ къ другу. Салтыковъ былъ восемнадцатью годами старше Лагарпа, по рожденію состоялъ въ родствѣ съ императорскимъ домомъ (отецъ его Иванъ Александровичъ былъ внучатнымъ племянникомъ императрицы Анны Іоанновны). Когда онъ принялъ великаго князя на свое попеченіе, онъ находился въ высшихъ чинахъ, былъ генералъ-адъютантомъ, подполковникомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, сенаторомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, при которомъ Салтыковъ состоялъ съ 1773 года, душевно его любилъ и уважалъ, и со слезами уступилъ его своимъ сыновьямъ. „Признаюсь,—писалъ онъ къ нему,—что мнѣ разставаться съ тобой трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ отзывомъ, что сіе не разлука, и что ты всегда въ сношеніи съ нами останешься... Теперь узналъ я, что прямо люблю тебя".

Александръ I любилъ Лагарпа, но къ Салтыкову, повидимому, не питалъ иныхъ чувствъ, кромѣ глубокаго уваженія.

По мнѣнію нѣкоторыхъ и въ томъ числѣ Геннади, нижеслѣдующее стихотвореніе написано Пушкинымъ моей бабушкѣ княгинѣ Е. А. Голицыной, но за вѣрность этого мнѣнія не ручаюсь:

„Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ,
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ;
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно въ гордости моей
Я буду мыслить съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А можетъ быть и вдохновеньемъ!"

Бабушка Елена Александровна, урожденная Салтыкова, была высокая, красивая брюнетка; жила она не долго и была несчастлива; двадцати пяти лѣтъ она скончалась отъ горловой чахотки. Съ горечью покидала она жизнь и со страхомъ оставляла своего четырехлѣтняго сына...

Отецъ мой обожалъ свою мать и до конца своей жизни высоко чтилъ ея память. Уже въ дѣтствѣ проявлялъ онъ свой пылкій характеръ: когда нянька объявила ему о кончинѣ его матери, онъ далъ ей пощечину! Бѣдняжка! Для него это былъ такой у д а р ъ, что онъ захотѣлъ отдать тѣмъ же тому, кто принесъ ему такую страшную вѣсть! Онъ почуялъ, что трудно ему будетъ справляться съ своей буйной головушкой, съ своимъ горячимъ сердечкомъ о д н о м у, безъ любящей матери, которая уносила и его счастье съ собой въ могилу. Когда же черезъ годъ отецъ его женился и пожелалъ, чтобы маленькій сынъ присутствовалъ при его бракосочетаніи, то Юрій спрятался въ каминъ въ парадномъ своемъ нарядѣ, и когда его нашли тамъ, то не было никакой возможности даже силой вытащить его оттуда.

Прабабушка княгиня Н. Ю. Салтыкова была замѣчательно красива и до старости сохранила свою красоту. Одѣвалась всегда великолѣпно и, несмотря на свои преклонные года, любила розовый цвѣтъ, который не казался слишкомъ молодымъ для нея, такъ она сама была хороша и свѣжа. Когда мать моя вышла замужъ, и отецъ мой повезъ ее представить своей бабушкѣ, она думала, что мужъ ея шутитъ, и красавица, которой она присѣдала, не бабушка, а какая нибудь изъ его тетушекъ и даже спросила у нея:

— Et grand' maman n' est pas à la maison? [1])

— Mais c'est moi qui suis votre grand' mère [2])—отвѣтила ей бабушка.

У бабушки Елены Александровны было три сестры и одинъ братъ. [3]) Всѣ многочисленные родные обожали бѣднаго сиротку «Юрку» (такъ звали моего отца въ семьѣ), всѣ желали имѣть его у себя. Княгиня Долгорукова (родная его тетка), не имѣя сына, хотѣла даже усыновить его и просила дѣдушку отдать ей отца моего въ полное распоряженіе, котораго она любила, и брала въ память покойной сестры своей; но дѣдушка, къ сожалѣнію, на это не согласился, и бѣдный мальчикъ переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. [4])

Я говорила о родныхъ со стороны Салтыковыхъ, но были еще родные со стороны Голицыныхъ, которые также любили осиротѣвшаго мальчика и также хотѣли имѣть его у себя. Старшая въ семьѣ была прабабушка, княгиня Анна Александровна Голицына, рожденная княжна Грузинская, изъ рода Грузинскихъ царей, знаменитая красавица того времени. [5]) Она была очень достойная, умная и добрая женщина. У нея было три сына и четыре дочери. [6]) Всѣмъ имъ она дала основательное образованіе и вселила въ ихъ сердца горячую любовь къ Богу.

Россія ей обязана однимъ изъ героевъ 1812 года княземъ П. И. Багратіономъ, котораго она выписала изъ Грузіи; онъ былъ ея близкій родственникъ, очень бѣдный. Послѣ того, какъ князь Багратіонъ прославился, прабабушка княгиня Анна Александровна Голицына собрала къ себѣ большое общество родныхъ и знакомыхъ чествовать героя. Когда за

[1]) А бабушки нѣтъ дома?

[2]) Да вѣдь это же я ваша бабушка!.

[3]) Княгиня Екатерина Долгорукова, графиня Софья Шувалова, графиня Марія Потоцкая и князь Алексѣй Салтыковъ, по смерти котораго Головкинскій маіоратъ долженъ былъ по указу перейти моему отцу, такъ какъ у князя Алексѣя Салтыкова не было мужскаго потомства.—Отецъ умеръ раньше и маіоратъ наслѣдовалъ сначала мой братъ Евгеній, а послѣ его кончины—мой старшій сынъ Юрій.

[4]) Мой отецъ былъ очень привязанъ къ семейству Долгорукихъ и всегда съ благодарностью и любовью говорилъ о тетушкѣ своей княгинѣ Долгоруковой и мужѣ ея князѣ Ильѣ Андреевичѣ. У нихъ было двѣ дочери: княгиня Екатерина, замужемъ за княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, и княжна Марія за княземъ Михаиломъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, а во второмъ бракѣ за графомъ Остенъ-Сакеномъ.

[5]) Въ первомъ бракѣ она была за Лицынымъ. Ея письма къ князю Голицыну печатались въ „Историческомъ Вѣстникѣ", въ которыхъ она описываетъ празднества при Екатеринѣ Великой. Въ семействѣ князей Куракиныхъ есть ея великолѣпный портретъ, работы madame le Brun, который находится у Е. А. Нарышкиной, рожденной княжны Куракиной.

[6]) Николай (мой дѣдушка), Александръ и Андрей; Елизавета была за княземъ Куракинымъ, Софія за Полтарацкимъ, Татіана за Потемкинымъ и Александра за княземъ Мещерскимъ.

обѣдомъ провозгласили тостъ за здоровье князя, то онъ всталъ изъ-за стола и, подойдя къ дворецкому прабабушки, стоявшему сзади его кресла, разцѣловалъ его, сказавъ: «ему первому я обязанъ, что пользуюсь всѣмъ, что теперь имѣю, такъ какъ онъ далъ мнѣ возможность представиться въ домъ моей благодѣтельницы, онъ первый меня одѣлъ и за него съ благодарностью пью мой первый бокалъ!»....

У прабабушки Анны Александровны былъ одинъ братъ, князь Юрій Александровичъ Грузинскій, извѣстный своимъ буйнымъ характеромъ, красотой и любителемъ женщинъ. [1]) У него была единственная дочь Анна Георгіевна, замужемъ за графомъ Толстымъ.

III.

Юность князя Ю. Н. Голицына.—Его воспитаніе; пребываніе въ кадетскомъ корпусѣ.—Женитьба.

Несмотря на горячій нравъ и своевольный характеръ маленькаго «Юрки», всѣ его любили. Между тѣмъ общая любовь родственниковъ погубила его, такъ какъ не было ни одного разумнаго руководителя для умнаго, пылкаго мальчика, и, каждый по-своему его училъ, каждый посвоему его баловалъ, каждый по-своему его любилъ. Этотъ переходъ изъ однѣхъ рукъ въ другія начался съ младенчества, и число семь было для него роковымъ числомъ: ему перемѣнили семь кормилицъ, семь нянекъ, семь гувернеровъ и наконецъ даже семь учебныхъ заведеній. Послѣ странствованія отъ одной бабушки къ другой, отъ одной тетушки къ третьей и перемѣнивъ плохое вліяніе семи гувернеровъ его помѣстили въ пансіонъ въ Одессу. Окончилъ же онъ свое воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, но съ грѣхомъ пополамъ, такъ какъ тамъ онъ больше шалилъ, чѣмъ учился. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ, что по выходѣ оттуда ни на одномъ языкѣ не умѣлъ писать правильно. Впослѣдствіи-же онъ самъ себя образовалъ; имѣя блистательныя способности онъ самъ изучилъ нѣмецкій и англійскій языки.

---

[1]) Онъ былъ женатъ на Бахметевой, которую страшно мучалъ. Онъ былъ совершенно дикій человѣкъ, по своему нраву и поступкамъ; подъ его начальствомъ было нѣсколько разбойничьихъ шаекъ, которыя занимались грабежами по Волгѣ. Эти случаи дошли до правительства и для производства слѣдствія былъ отправленъ отецъ моей матери, Н. Д. Бахметевъ, тогда бывшій еще молодымъ жандармскимъ офицеромъ; онъ открылъ всѣ злодѣянія князя Грузинскаго и доложилъ правительству всю правду. Тогда князю Грузинскому былъ запрещенъ выѣздъ изъ его села Лыскова, и онъ былъ подъ присмотромъ полиціи.

Со того времени поселилась страшная вражда между Грузинскими и Бахметевыми.

По правамъ своего отца, который былъ въ чинѣ полковника, онъ не могъ разсчитывать попасть въ Пажескій корпусъ, но по просьбѣ его прадѣда графа Юрія Александровича Головкина, императоръ Николай I приказалъ зачислить его кандидатомъ Пажескаго корпуса и вотъ при какихъ обстоятельствахъ это случилось:

Былъ во дворцѣ дѣтскій костюмированный балъ. Отецъ мой жилъ тогда у тетки своей княгини Долгоруковой, которая и была приглашена на этотъ балъ съ своими дочерьми и племянникомъ. Отцу моему сдѣлали великолѣпный костюмъ испанскаго пажа, и когда онъ шелъ въ полонезѣ съ своей кузиной княжною Маріей Долгоруковой, которая также была очень красива, то своей красотой и благородной осанкой обратилъ вниманіе государя, который спросилъ графа Головкина:

— Qui est ce charmant petit page rouge? [1])

— Sire, c'est mon arrière petit-fils, mais il ne tient qu' à Votre Majesté d'en faire un vert. [2])

— Avec plaisir, mon chèr comte [3])—отвѣчалъ государь.

И отецъ мой записанъ былъ кандидатомъ въ Пажескій корпусъ.

Бывши пажемъ онъ много шалилъ, и до сихъ поръ, говорятъ, въ корпусѣ сохранились легендарные разсказы о проказахъ и шалостяхъ «Юрки Голицына». Товарищъ его генералъ М. П. Даниловъ, вспоминая о немъ, говорилъ мнѣ:

— Вашъ отецъ былъ настоящій атлетъ! онъ дрался на рапирахъ не надѣвая ничего кромѣ маски, защищая только свое лицо; а когда получалъ удары противника въ грудь или руки онъ не обращалъ на это никакого вниманія—кровь лилась, а онъ продолжалъ начатый бой, пока не выходилъ побѣдителемъ.

Любовь его къ музыкѣ и хорошему пѣнію развилась въ Пажескомъ корпусѣ; тамъ онъ управлялъ хоромъ и просилъ, чтобы ему позволили брать уроки на фортепіанахъ. Въ опекунскихъ отчетахъ и февральскомъ журналѣ 1838 года написано слѣдующее: «Капитанъ Пажескаго корпуса Гаттенбергеръ, попеченію котораго порученъ князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, сообщилъ опекунству, что по изъявленному малолѣтнимъ желанію учиться музыки онъ договорилъ учителя по 45 рублей въ мѣсяцъ».

Опекунство признало съ своей стороны весьма приличнымъ, чтобы малолѣтній обучался музыкѣ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что отецъ началъ изучать музыку съ 14-ти лѣтъ; первымъ учителемъ его былъ Біанки, а пѣнію училъ его Ломакинъ, дирижеръ капеллы графа Шереметева.

---

[1]) Кто этотъ прелестный пажъ въ красномъ мундирѣ?

[2]) Ваше величество! это мой правнукъ, но отъ вашего величества зависитъ перемѣнить его красный мундиръ на зеленый.

[3]) Съ большимъ удовольствіемъ, дорогой графъ.

Изъ того же опекунскаго журнала видно, что уже въ маѣ 1838 г. отецъ по распоряженію директора Пажескаго корпуса, перешелъ пансіонеромъ къ штабсъ-капитану Малліо.

Разбирая старые опекунскіе отчеты, мнѣ пріятно было найти въ нихъ желаніе моего отца, тогда 14-ти лѣтняго мальчика, наградить свою няню пенсіей, которую она получала отъ моего дѣда въ бытность его опекуномъ, и которую дворянская опека хотѣла отнять у старухи, находя, что этотъ расходъ въ ущербъ малолѣтнему, опека ссылалась на то, что «объ этой пенсіи князь Николай Борисовичъ Голицынъ не токмо никакого акта не представилъ, но и не доводилъ до свѣдѣнія дворянской опеки о волѣ покойной княгини. Тогда дѣдушка Николай Борисовичъ просилъ опеку обратиться съ вопросомъ къ малолѣтнему князю Юрію, и онъ отозвался,—что «по привязанности къ бывшей нянѣ своей, къ которой питаетъ чувство признательности, онъ почелъ-бы для себя особеннымъ одолженіемъ если-бъ производство пенсіи было ей возобновлено». И послѣ этого пенсія старухѣ была выдаваема ежегодно въ размѣрѣ 360 руб.

По праздникамъ или наканунѣ бабушка княгиня Анна Александровна Голицына брала къ себѣ отца и всегда сама привозила его домой и отвозила въ корпусъ; часто бывало бабушка не подозрѣвала, что проказникъ ея внукъ возвращался къ ней, уцѣпившись на запяткахъ кареты, и приходила въ ужасъ, когда, входя въ швейцарскую своего дома, на Милліонной, видѣла передъ собой смѣющееся личико своего шалуна внука. Бѣдной старушкѣ приходилось снова везти его и уже собственноручно передавать корпусному швейцару.

Вотъ одна изъ многочисленныхъ проказъ моего отца въ бытность его пажемъ: захотѣлось ему въ неотпускной день поѣхать въ оперу; не долго думая досталъ себѣ статское платье, загримировался слегка и отправился въ театръ. Тамъ, взявъ себѣ билетъ въ одномъ изъ первыхъ рядовъ креселъ, онъ важно усѣлся. Недалеко отъ себя онъ увидѣлъ своего директора. Нисколько не смутившись онъ продолжалъ спокойно сидѣть, между тѣмъ директоръ замѣтилъ отца и сталъ пристально на него глядѣть, узнавая, вѣроятно, въ немъ своего кадета. Видя, что дѣло плохо и что только смѣлостью города берутъ, отецъ самъ направился къ директору, въ первомъ же антрактѣ, и, представившись ему, сказалъ:

— Если я не ошибаюсь, ваше превосходительство, у васъ находится мой племянникъ Юрка Голицынъ? Бо-ольшой па-а-вѣса!—отецъ заикался.

— Да, отвѣчалъ генералъ.—Такъ онъ вашъ племянникъ? какое поразительное съ вами сходство!..

— Это не мо-у-дрено, отвѣтилъ отецъ, мы всѣ Голицыны на-а одно ли-и-цо.

Но, чтобы не подкралось опять сомнѣніе къ директору и чтобы крѣпче скрѣпить заблужденіе, передъ послѣднимъ дѣйствіемъ онъ пошелъ купить коробку конфектъ и, передавая ее генералу, просилъ его потрудиться отдать отъ него «шалуну», такъ какъ пріѣхавъ по дѣламъ онъ боится, что скоро не попадетъ въ корпусъ навѣстить племянника. На другой день директоръ явился въ классъ съ бомбоньеркой въ рукахъ и вызвалъ Голицына. Отецъ, увидавъ конфекты, закричалъ заикаясь:

— А! в-в-отъ и мои к-к-онфек-ты и-дутъ!

Не разобравъ или не понявъ, что онъ говоритъ, директоръ, отдавая ему конфекты, сказалъ, что видѣлъ его дядюшку, который просилъ передать ему эту коробку,—на что отецъ отвѣтилъ храбро:

— Я, ваше превосходительство, са-а-амъ себѣ дя-а-дя!

Такъ какъ отца знали за шалуна и знали любовь его острить, то и тутъ директоръ не обратилъ вниманія на это восклицаніе и остался при убѣжденіи, что онъ видѣлъ его дядю и что Голицыны очень похожи другъ на друга.

Однажды, при посѣщеніи Пажескаго корпуса императоромъ Николаемъ Павловичемъ, отецъ мой былъ на черной доскѣ, на которой крупными буквами написано было: «залѣность, грубость и глупость». Государь, взглянувъ на доску, пристыдилъ виновнаго, но тотъ отвѣтилъ не конфузясь:

— Въ первомъ и во второмъ виноватъ, ваше величество, но въ послѣднемъ никогда!

Государь, которому вѣроятно понравился смѣлый отвѣтъ мальчика, обратившись къ присутствующему начальству корпуса, сказалъ:

— Сотрите доску! Я за него ручаюсь!

— Ваше императорское величество,—сказалъ опять отецъ, вытянувшись въ струнку, какъ можете Вы ручаться за меня—когда я самъ за себя не ручаюсь!

Но нашла коса на камень: и государь, взглянувъ строго чуднымъ своимъ взоромъ на храбраго, чистосердечнаго мальчика и обратившись опять къ его начальству, сказалъ:

— Прошу сдѣлать мнѣ изъ Голицына хорошаго человѣка!

— А ты, прибавилъ онъ обратившись къ отцу, чтобы былъ у меня на золотой доскѣ въ будущій мой пріѣздъ!

Государь побѣдилъ своенравнаго, но прямодушнаго мальчика, и отецъ обѣщалъ своему высокому покровителю исправиться и сдержалъ слово.

Семнадцати лѣтъ онъ вышелъ изъ корпуса, и восемнадцати лѣтъ былъ объявленъ женихомъ, но родители моей матери, не желая и боясь этого брака, отложили свадьбу на годъ. Въ продолженіе этого года отецъ навлекъ на себя много непріятностей и неудовольствій—частью своими юношескими шалостями, частью вслѣдствіе необдуманности въ своихъ

поступкахъ. Такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ свое родовое имѣніе Салтыки, войдя въ церковь, онъ увидѣлъ пономаря, ругавшагося со старухами и отнимавшаго у нихъ свѣчи, которыя онѣ ставили передъ образами, а что еще болѣе его разсердило—это то, что свѣчи пономарь пряталъ себѣ въ карманъ. Возмущенный и разгнѣванный этимъ зрѣлищемъ онъ вытащилъ пономаря за косу на паперть и тамъ отколотилъ его. Эта исторія дошла до Харькова, а что еще хуже—она приняла характеръ святотатства, и отецъ чуть-чуть не попалъ за это подъ судъ.

Живши въ Харьковѣ отецъ мой часто повѣсничалъ и прибавлялъ себѣ недоброжелателей даже между родственниками своей невѣсты, которымъ иногда позволялъ себѣ грубить, въ видѣ шутки для себя, и серьезной обиды для стариковъ. Дядя матери, генералъ графъ Сиверсъ не любилъ, чтобы его цѣловали въ лицо, а «допускалъ молодежь къ плечу и рукѣ». Отецъ-же усердно чмокалъ его въ обѣ щеки. Вначалѣ старикъ графъ молчалъ и, хотя съ гримасой, принималъ поцѣлуи, но наконецъ это надоѣло ему и онъ съ важностью сказалъ:

— Je vous prie mon chèr Georges, de baiser mon épaule et ne pas embrasser ma figure. [1])

— Oh! je suis enchanté de le faire, car je n'aurai pas le désagrément d'être piqué par votre menton, qui n'est pas toujours bien rasé! [2]) —отвѣчалъ отецъ.

Онъ любилъ острить и всегда острилъ очень удачно и умно; но остроты не всегда пріятны, и когда затрогиваютъ личности, ихъ не любятъ. Неудовольствіе общества на него росло не по днямъ, а по часамъ, и въ одинъ неблагопріятный для него день жениху отказали. Но невѣста не раздѣляла взглядовъ родныхъ и продолжала любить твердо, сказавъ имъ, что ни за кого другого не выйдетъ замужъ. Объ отцѣ и говорить нечего—тамъ гдѣ были препятствія, ему еще болѣе хотѣлось дойти до желаемой цѣли. Видѣться имъ было запрещено.

Когда отецъ сдѣлался женихомъ, онъ нанялъ себѣ домъ рядомъ съ домомъ Бахметевыхъ и только довольно большой садъ отдѣлялъ ихъ; у него была ручная, ученая, бѣлая козочка, которая носила невѣстѣ письма, привязанныя къ шеѣ на голубой ленточкѣ. Когда настало грустное для влюбленныхъ время, въ которое имъ не позволено было видѣться, козочка продолжала служить имъ вѣрную службу, и невѣста, гуляя грустная въ своемъ саду, встрѣчала тамъ знакомую бѣлую козочку, которая подбѣгала къ ней, протягивая шейку, а невѣста спѣшила освободить ее отъ ноши и снимала ожидаемое письмо.....

---

[1]) Прошу тебя, дорогой Юрій, цѣловать меня въ плечо, а не въ лицо.

[2]) Я съ удовольствіемъ это исполню, потому что избавлюсь отъ непріятности быть уколотымъ вашимъ подбородкомъ, который иногда плохо бываетъ выбритъ.

*

Для того, чтобы увидѣть невѣсту свою онъ придумалъ слѣдующее: около дома Бахметевыхъ въ саду протекала рѣка, отецъ заказалъ гондолу одѣлся въ роскошный венеціанскій костюмъ и, нарядивъ нѣсколько человѣкъ изъ своихъ пѣвчихъ гондольерами, подплылъ къ дому Бахметевыхъ и, стоя въ гондолѣ съ мандолиной въ рукахъ, запѣлъ серенаду... Всѣ вышли посмотрѣть небывалое зрѣлище и на появленіе въ Харьковѣ итальянцевъ. Невѣста же, извѣщенная, вѣроятно, заранѣе бѣлой козочкой о прибытіи жениха, первая выбѣжала и конечно единственная не удивилась, узнавъ въ красивомъ венеціанцѣ князя Юрія Голицына. Такимъ образомъ цѣль была достигнута—онъ увидѣлъ свою невѣсту.

Стойкость моей матери и взаимная любовь побѣдили препятствія, и князь Юрій Николаевичъ Голицынъ 16-го августа 1843 года вводилъ свою прелестную, скромную невѣсту въ Харьковскій соборъ, подъ пѣніе «гряди голубица».

Церковь была такъ полна, что они съ трудомъ подвигались, и кружевное платье, въ которомъ, говорятъ, была такъ красива моя мать, очень пострадало.

Молодые послѣ свадьбы оставались нѣсколько недѣль въ Харьковѣ, въ кругу многочисленныхъ своихъ родныхъ, и, конечно, молодежь у нихъ часто собиралась, въ томъ числѣ и шафера отца, графъ Сухтеленъ и князь Ѳедоръ Григорьевичъ Голицынъ, съ которыми онъ иногда игралъ въ карты. Небывъ любителемъ карточной игры онъ садился играть просто для препровожденія времени, но иногда интересовался игрой и при своемъ горячемъ нравѣ не сдерживалъ себя. Разъ, недовольный ходомъ графа Сухтелена, онъ такъ вспылилъ, что бросилъ карты ему въ лицо. Мать разсказывала мнѣ, что хотя она въ ту минуту не сознавала всей опасности въ положеніи отца, но все-таки страшно испугалась и на подвижномъ лицѣ ея, вѣроятно, отпечатался весь испугъ... Графъ Сухтеленъ посмотрѣлъ на нее... потомъ собралъ всю колоду, привелъ ее въ порядокъ, положилъ на средину стола и, повернувшись къ моему отцу, сказалъ очень спокойно, но внятно:

— Ты не дитя, чтобы не понять всѣ послѣдствія, могущія произойти вслѣдствіе твоего поступка, но не драться же мнѣ съ тобою, въ минуту твоего счастья! Мнѣ искать смерти—нѣтъ причины, тебя убивать—было бы страшное преступленіе передъ твоей молодой женой. Мы давно знаемъ хорошо другъ друга, ты — сумасшедшій, пора тебѣ остепениться.

Пока графъ Сухтеленъ говорилъ, отецъ сидѣлъ, опустивъ глаза и положивши голову на руку. Благородный и сердечный другъ отца, кончивъ говорить, протянулъ ему свою руку въ знакъ прощенья за обиду. Тогда отецъ вскочилъ, бросился графу на шею и зарыдалъ.

— Прости, прости!—сказалъ онъ,—спасибо.... ты мой честный, лучшій другъ!

Проживъ нѣсколько времени въ Харьковѣ, молодые уѣхали въ родовое имѣніе, большое торговое село Салтыки, Тамбовской губерніи, Усманьскаго уѣзда. За нѣсколько верстъ отъ Салтыковъ, толпа народа ожидала пріѣзда молодыхъ господъ и, увидѣвъ ихъ, съ восторгомъ и криками привѣтствія бѣжала за ними. Въѣзжая въ Салтыки, отецъ приказалъ прямо ѣхать въ церковь, гдѣ весь причтъ въ облаченіи ожидалъ новобрачныхъ.

Послѣ благодарственнаго молебна молодой баринъ обратился къ народу и, указывая на свою жену, сказалъ:

— Вотъ моя жена, а ваша княгиня. Служите ей какъ мнѣ, хорошо и вѣрно—она всегда будетъ къ вамъ добра, будетъ ваша защитница и помощница въ вашихъ нуждахъ.

Весь народъ былъ одѣтъ по праздничному. Бургомистръ съ стариками поднесли на серебряномъ подносѣ большой бѣлый сдобный папошникъ, заказанный ими въ Воронежѣ и убранный цвѣтами, а старостиха поднесла полотенце съ жамками. Бабы по очереди подходили къ матери и, цѣлуя ее по русскому обычаю три раза, приговаривали разныя нѣжныя слова, называя ее «касатушка наша, красавица!» и т. п.

Салтыковскіе крестьяне вывезены были изъ Владимірской губерніи, народъ рослый, видный, и бабы отличались красотой; онѣ имѣли обыкновеніе румяниться, но впослѣдствіи отецъ имъ это запретилъ, и такимъ образомъ обычай этотъ вывелся.

Молодые супруги пріѣхали въ Салтыки въ концѣ сентября, а на Покровъ Божьей Матери, около дома были раскинуты столы, и всѣ крестьяне отъ мала до велика были позваны обѣдать. Послѣ обѣда народъ пѣлъ, плясалъ и получалъ въ подарокъ кто рубашку, кто кушакъ, бабы—серьги и кокошники, а дѣти—лакомства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

